

КОМПАРАТИВИСТИКА
COMPARATIVE STUDIES

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-2-262-270

EDN: IMLJCD

УДК 82.01

Научная статья / Research article

Горьковские мотивы в прозе о босяках Ай У

В.А. Мескин^{id}, Ц. Ицин^{id}✉

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

✉c1123485073@gmail.com

Аннотация. Цель исследования – сопоставительное изучение творчества русского и китайского писателей Максима Горького и Ай У (1904–1992), в равной мере уделявших внимание изображению людей, которые по разным обстоятельствам оказались «на дне» жизни. Задача – выяснить, что конкретно стоит за высказываниями Ай У о своем «ученичестве» у Максима Горького. Оба автора, Горький в России, Ай У в Китае, выступали художниками людей маргинальных, лишенных крова, и, что особенно важно, не только отвергнутых, но и отвергающих. Анализ большого ряда рассказов русского и китайского прозаиков выявляет множество творческих схождений в тематике, проблематике, поэтике, тождество их социально-философских взглядов. Горький и Ай У в схожей манере украшают повествования о невзрачной текущей жизни обращениями к ярким картинам природы, музыкально-песенным началам. Проведенное исследование, сделанное на основании учения А. Веселовского о сопоставительном изучении литератур, доказывает основательные генетические и типологические связи двух художников слова.

Ключевые слова: рецепция, проблематика, русская литература, китайская литература, рассказы, поэтика, босячество

Вклад авторов. Разработка идеи, сбор и анализ исследовательских данных – В.А. Мескин; написание и редактирование рукописи – Цай Ицин. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 10 января 2025 г.; отрецензирована 20 февраля 2025 г.; принята к публикации 25 марта 2025 г.

Для цитирования: Мескин В.А., Ицин Ц. Горьковские мотивы в прозе о босяках Ай У // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 2. С. 262–270. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-2-262-270>

© Мескин В.А., Ицин Ц., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Gorky Motives in Prose about Tramps Ai Wu

Vladimir A. Meskin^{id}, Cai Yiqing^{id}✉

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉c1123485073@gmail.com

Abstract. Compared the originality of the depiction of people at the bottom in the works of Maxim Gorky and the Chinese writer Ai Wu (1904–1992). From the comparison it follows that the famous Chinese prose writer of the twentieth century had reason to consider himself a student of the Russian prose writer. Both authors, Gorky in Russia, Ai Wu in China, acted as artists of marginalized people, homeless, and, what is especially important, not only rejected, but also rejecting. An analysis of a large number of stories by the Russian and Chinese writers reveals many creative similarities in themes, problems, poetics, and reveals the identity of their socio-philosophical views. Gorky and Ai Wu in a similar manner decorate stories about ordinary everyday life with appeals to bright pictures of nature, to musical and song principles. According to the teachings of A. Veselovsky on the comparative study of literature, here we can speak with certainty about the genetic and typological connections of the two writers.

Keywords: Reception, problems, Russian literature, Chinese literature, stories, poetics, tramp-ing

Author's contribution. Development of the idea, research data collection & analysis – Vladimir A. Meskin; manuscript writing and editing – Cai Yiqing. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted January 10, 2025; revised February 20, 2025; accepted March 25, 2025.

For citation: Meskin, V.A., & Yiqing, C. (2025). Gorky Motives in Prose about Tramps Ai Wu. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(2), 262–270. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-30-2-262-270>

Введение

Произведения Максима Горького популярны среди китайской читательской аудитории. С начала XX в. многие его произведения регулярно переводились и переводятся на китайский язык. Художественные тексты, написанные русским мастером, оказали влияние на мышление китайского народа в социально-политическом плане, но главное – стали учебниками для литераторов, обучали их творческим навыкам.

Известный китайский писатель XX в. Ай У является тем представителем литературы, чье творчество находилось под особенно сильным влиянием Горького. Его жизненный опыт, а затем и произведения настолько напоминали жизнь, судьбу и творчество русского писателя, что его называют «китайским Горьким» (Лянь, 1992, с. 2). Современный литературовед справедливо заметил, что «странствия по югу России одного и южные путешествия в Юньнань и Бирму другого стали важными источниками литературного творчества для обоих писателей» (Чжан, 2011, с. 82).

Результаты и обсуждение

Схожесть творческих интересов вытекала из схожести общественных позиций двух авторов. Русский прозаик, начавший свой путь в словесности на три десятка лет раньше, стал для Ай У учителем в области литературы, в формировании эстетических и стилистических доминант. Ай У в статье «Я и советская литература» (1956) писал: «Среди литератур всего мира мне более всего близка советская. Русская литература, традиционно гуманистическая, сочувствующая трудящимся, оскорбленным и угнетенным, всегда привлекала меня... На всем пути литературного творчества я учился и могу назвать длинный список русских писателей, от Л. Толстого, А. Чехова, М. Горького до А. Фадеева, которые пребывали моими учителями» (Мао, Хуан, 1986, с. 221–222).

Очевидно, именно Горький особенно сильно повлиял на Ай У, в частности повернул его внимание в сторону описания жизни социальных низов, босяков. Двумя годами позже публикации упомянутой статьи Ай У писал в «Народной газете»: «Когда я читал ранние рассказы Горького, они пролились на меня живительным дождем, выпавшим на сухую землю. Я испытал чувство истинной радости. Я читал все горьковские произведения, переведенные на китайский, и часто их перечитывал. Я читал еще и произведения тех авторов, которых любил Горький... Так я стал поклонником и последователем русского писателя» (Мао, Хуан, 1986, с. 335).

Примечательно и то, что обе личности имеют нечто общее в биографиях. В детстве на того и другого сильное влияние оказали их бабушки-сказительницы. Они пробудили интерес будущих писателей к слову, к далеким краям. Самой любимой сказкой маленького Ай У была бабушкина «Далекое путешествие маленького Вэя». Позже Ай У писал: «Я тогда подумал, если маленький Вэй смог один путешествовать в далекие края, значит, и я так смогу...» (Ай, 1984, с. 40).

К теме босячества обоих прозаиков, русского и китайского, подтолкнули схожие социально-исторические обстоятельства того времени, когда и в России, и в Китае нехватка пахотных площадей вынуждала крестьян покидать деревни и устремляться в города в надежде найти работу, средства для жизни. Однако приток рабочей силы в лице вчерашних крестьян намного превышал потребность города в их услугах, в результате чего много пришельцев начинали бесприютные скитания, падали на дно жизни, теряли себя, свои человеческие достоинства. В этих обстоятельствах босяки в России в лице Горького, в Китае в лице Ай У нашли своих жизнеописателей.

М. Горький и Ай У работали преимущественно в жанре малой прозы, в центре их пристального внимания – маргиналы, выброшенные обстоятельствами и людьми из должной жизни, «как мусор» (Ай, 1981, с. 26). Изгой, о которых пишет Ай У, это грабители, воры, контрабандисты, торговцы наркотиками. Общество отвергает этих «бывших людей», но среди них Ай У, как и Горький, открывает характеры, которые заслуживают и симпатию, и сострадание. Так же, как и русский предшественник, богатых и состоятельных Ай У

рисует негативно. Босяки – другое дело. «Когда Ай У описывает людей дна, – пишет китайский историк литературы, – он будто бы намывает золото душ, ищет и находит в них доброту, благородство» (Янь, 2010, с. 168). Как известно, в значительной мере эта характеристика подходит и Горькому.

Примечательно, повествователи обоих писателей, русского и китайского, как бы набираются опыта жизни от тех, кого они встречаются в своих странствиях. Можно предположить, что рассказ Ай У «Мои спутники» (1944) написан под некоторым влиянием рассказа Горького «Мой спутник», несмотря на все их очевидные сюжетные различия. Можно сказать, князь Шахро дал урок попутчику: «Он научил меня многому, чего не найдешь в толстых фолиантах, написанных мудрецами, – ибо мудрость жизни всегда глубже и обширнее мудрости людей». Попутчики у Ай У учат жизни того, с кем их свела дорога, обогащая его «золотом своих душ». Не важно, что в одном случае описан отрицательный опыт, в другом – положительный.

Более очевидный излюбленный прием и Горького, и Ай У – основывать повествование на встрече путешествующего, близкого автору героя, с другим заметным героем, и либо рассказывать о нем что-то примечательное, либо передавать его историю, представляя рассказ в рассказе. Таковы, например, «Емельян Пиляй», «Коновалов», «Мой спутник», «Макар Чудра», «Старуха Изергиль», «В степи» Горького, «Весельчак» (1935), «Бродяги» (1948), «В лесах» (1948), «Дикая вишня» (1963), «В горах» (1964), «У реки Ланьцан» (1962) Ай У.

Незаурядность личности у горьковских босяков нередко проявляется в противопоставлении характеров, например вчерашнего крестьянина Гаврилы и его антагониста – вора Челкаша, чьим именем назван известный рассказ. К подобному приему часто обращается и Ай У. Так, в его рассказе «В лесах» босяк Матоуге увидел человека, который разорился и по этой причине хотел свести счеты с жизнью. Матоуге отговорил неудачника от этой затеи и взял его в свою компанию бродяг. Голодные босяки крадут еду, попадают на этом деле, а богач их выдает. Люди-«мусор», тот же Матоуге, в этой коллизии показаны более гуманными, чем человек из более высокого сословия.

Симптоматичны и другие переключки в творчестве Ай У и Горького, в частности в описании величественных природных явлений. Природа предстает у них символом абсолютной красоты, силы, стихийной свободы. У автора «Буревестника» это, конечно, море. С морской стихией, родственными ей явлениями Горький сопоставляет свои амбивалентные возвышенные характеры. Таковы, например, принесшие ему известность Челкаш и Мальва. Это справедливо отметили уже первые исследователи его ранних рассказов. Так один из них писал: «Читая рассказы г. Горького, вы чувствуете, что „с природой одною он жизнью дышал“, что он любит эту природу, знает ее и потому дает замечательные по своей художественности и правдивости описания... У г. Горького сочная кисть и свежие краски, пишет он мазками, без лишних слов, без всякой риторики... Особенно любит он море...» (Боцяновский, 1901, с. 169). У Ай У в этом значении выступают величественные поднебесные

горы, стремительные горные потоки, и он тоже описывает это «без всякой риторики».

Оба писателя органично вписывают природные явления в свои сюжеты. Естественна показана морская стихия в повествовании упомянутого рассказа «Челкаш». Природа здесь не безучастна к тому, что совершают главные герои. В одних случаях море было «молчаливо» и «пустынно», а тучи были «готовые раздавить человека тяжестью своей». Все это создает напряженную атмосферу и отражает внутреннее состояние действующих лиц. В других случаях, когда «дело сделано» природа меняется, становится мягче, море «успокаивается». В «Старухе Изергиль» перед рассказом женщины легенды о Ларре ландшафт будто бы готовится к специфическому повествованию, одно продолжается в другом: «Все это – звуки и запахи, тучи и люди – было странно красиво и грустно, казалось началом чудной сказки». И когда Изергиль рассказывала легенду, «море ей тихо вторило». Когда речь зашла о том, что Ларра убил девушку и был схвачен, ночь стала наполняться «странными, тихими звуками», и суслики начали «печально посвистывать», и «полный диск луны, раньше кроваво-красный, бледнел».

Те же природные соответствия наблюдаются и у Ай У, например в рассказе «В горном ущелье» (1933). Здесь река «бурлит во тьме, ревет и сердито бьется о скалы», как бы в предчувствии грядущего преступления: босяки решили избавиться от обузы, своего раненого товарища. И, наоборот, река успокаивается, когда те же босяки оставляют деньги своему несчастному случайному спутнику. В «В сосновых лесах» (1936) в унисон жестокому рассказу одного персонажа о другом, о старике, предполагаемом убийце, природа ведет себя соответствующе: «Горный ветер бьется о скалы, раскачивая высокие старые сосны, бьется в стены и двери избышки и завывает каким-то неведомым диким монстром, бродящим по горным долинам».

И еще корреляция. Оба прозаика органично вводят тему музыки в свои произведения. «Писать – значит петь», – говорил Алексей Максимович. Любовь к музыке родилась в душе будущего писателя еще в детстве, когда он жил с бабушкой. И эта любовь отразилась и в созданных им художественных текстах. Упомянутый выше критик справедливо замечает, что Горький является «замечательным художником, разбирающимся не только в красках, но и в звуках...» (Боцяновский, 1901, с. 170). Чтобы подчеркнуть красоту Радды, старик Чудра, повествователь драматического рассказа «Макар Чудра», говорит: «О ней, этой Радде, словами и не скажешь ничего. Может быть, ее красоту можно бы на скрипке сыграть, да и то тому, кто эту скрипку, как свою душу, знает». Возлюбленный Радды Лойко тоже представлен «музыкально», красавец поет: «Гей-гей! В груди горит огонь, А степь так широка! Как ветер, быстр мой борзый конь, Тверда моя рука!..» По мнению старухи Изергиль, только «красавцы, которые любят жить» любят петь и могут хорошо петь... Музыка, пение имеет место и в других сочинениях русского мастера, таких как «Челкаш», «Хан и его сын», «Коновалов», «Мальва» и т.д.

То же наблюдается в художественных текстах китайского писателя. В его рассказе «В горном ущелье» босячка, женщина тяжелой доли, поет соответствующую ее жизни и настроению грустную песню о речке, уносящей воды в спокойное пространство: «Речная вода, течет медленно, течет, течет, течет на восток к морю, там нет горя! Там нет беспокойства!» В рассказе «Мои спутники» пение помогло герою, табачному контрабандисту, обмануть полицейских. Он отвлек их внимание исполнением красивых народных песен, проверку стражи порядка провели небрежно, не обнаружили запрещенный к ввозу товар. В рассказе «Моя любовь» (1933) посредством песен заключенная женщина поведала соседям по камере всю свою горькую жизнь, вызвав у них бесконечное сочувствие, человеческую жалость.

Таким образом, можно сказать, что музыкальные начала и у Горького, и у Ай У не только придают текстам романтический колорит, но еще и способствуют развитию сюжета.

В художественных текстах обоих авторов преобладает критическое отношение к текущей жизни. По мнению их героев, беды и несчастья большинства людей обусловлены неправильно устроенными социальными отношениями. Эту философию жизни обстоятельно излагает подмастерье Максим в рассказе «Коновалов». При этом у русского писателя есть отдельные герои-босяки, не согласные с этим миропониманием, тот же пекарь Коновалов: «Каждый человек сам себе хозяин, и никто в том не виновен, ежели я подлец!». По-своему близка Коновалову старуха Изергиль, которая рассуждает: «Чтобы жить – надо уметь что-нибудь делать. Я ничего не умела и за это платила собой». Причина этого, по мнению В. Боцяновского, кроется в «сильной вере в себя, в свои силы» (Боцяновский, 1901, с. 172). У Ай У такие герои тоже есть. В рассказе «Весельчак» главный персонаж говорит: «Если человек сильный, здоровый не находит выхода из бытовой жизненной ситуации, то он сам виноват и себя должен винить». Хотя таких самокритичных персонажей у китайского прозаика немного, большинство его персонажей сосредоточены на критике социальных обстоятельств.

Персонажи Ай У так обозлены на несправедливое, по их мнению, государственное устройство, что не считают преступлением свои деяния – воровство, грабеж, контрабанду и т.д. В рассказе «Первый урок по философии жизни» (1931) его герой оправдывает преступления рассуждениями: «Человек и вором может стать, если ему угрожает голод. Иначе нужен другой, совершенный мир». Конечно, безысходность, вынуждающая людей идти на преступления, часто заявлена и в горьковских повествованиях о людях дна, особенно выразительно в рассказе «Дед Архип и Ленька». Воровство старика – единственный способ выжить и самому, и внуку.

Не всех, но многих босяков Горький нарисовал с симпатией. Известно его высказывание в их адрес: «Я видел, что хотя они живут хуже „обыкновенных людей“, но чувствуют и сознают себя лучше их, и это потому, что они не жадны, не душат друг друга, не копят денег...» (Горький, 1940, с. 43). Очевидно, что и Ай У мог так высказаться в адрес своих люмпенов. И у его босяков есть

чувство человеческого достоинства, которое не позволяет им проникнуться рабским духом. Нередко это чувство у персонажей обоих авторов гипертрофированно. Лойко убил возлюбленную, лишь бы не покориться ее желанию стать главной в их предполагаемой семейной паре. Челкаш, чудом избежавший смерти-ограбления, бросил деньги «войлоку» Гавриле с гордым чувством в знак того, «что он – вор, гуляка, оторванный от всего родного – никогда не будет таким жадным, низким, не помнящим себя...». У Ай У в «Конокраде» (1942) главный герой страдает из-за своей неказистой внешности, но героизмом заслуживает уважение в воровской среде. В рассказе «В бесплодных горах» (1943) Ай У противопоставляет жадным крестьянам щедрых босяков. Таким образом, писатели показывают превосходство босяков над людьми, которые находятся выше их на социальной лестнице.

Особенно тесно сближает русского и китайского писателей ненависть к богачам. Емельян Пиляй, главный герой одноименного рассказа, произносит то, что на уме многих босяков: «А клюнуть денежного человека по башке – что ни говори – приятно; особенно ежели умеючи дело обставить... А ежели я знаю, что люди могут хорошо жить, то – почему же мне не жить? Э? Черт вас возьми, дьяволы!». В рассказе Ай У «Лунная ночь» (1948) главный герой, босяк, имеет то же мнение, что и Емельян Пиляй: «Для меня в мире существуют только два типа людей – нищие и богатые. Каждый раз, когда я встречаюсь с богачами, я ворую у них безжалостно...». Мысль о драме социального неравенства присутствует в рассказе китайского прозаика «Море» (1947). Здесь главный персонаж с толикой иронии рассуждает о разных типах птиц: «Птицы в клетке все еще имеют пространство, и они могут там прыгать, летать и стучаться, а мы, моряки, в клетке-корабле не имеем ни свободы, ни места! Почему? Потому что внутри клетки нами управляют более благородные птицы». В рассказе «На острове» (1936) босяк-вор говорит, кивая в сторону богачей: «Посмотрите, какие они заносчивые! Но на самом деле у них носов и глаз не больше, чем у нас... Просто они... имеют в кошельках несколько лишних купюр. Таких людей я ненавижу!»

Литературоведы нередко говорят о русском писателе то, что в полной мере относится и к китайскому. «Героический пафос горьковских образов, – справедливо пишут авторы статей о Горьком, но равно и об Ай У, – выразился в неподчинении его героев общим правилам бытия, стремящихся к свободе и независимости...» (Ширванова, 2018, с. 540). Оба прозаика с презрением писали о смиренных послушных массах, не желаяющих или опасющихся потрясений сложившихся устоев. Они равно романтизировали бунт. Вот реплика главного героя из упомянутого рассказа «Конокрад» на предложение человека со стороны прекратить заниматься воровством: «Вы, законопослушные люди, живете, пока другие вам жить позволяют. Вы как воздушные змеи, летящие в облаках, ваша судьба в других руках. В чем смысл такой жизни?». Смысл такой жизни не ясен, не приемлем и для многих героев Горького, им главное – держать свои жизни в собственных руках. Например, в рассказе русского мастера «В степи» главный герой так раскрывает свою душу попут-

чику: «Люблю я, друг, эту бродяжную жизнь. Оно и холодно, и голодно, но свободно уж очень... Нет над тобой никакого начальства... а вот теперь лежу, смотрю в небо... Звезды мигают мне: ничего, Лакутин, ходи, знай, по земле и никому не поддавайся...».

Центральную роль во многих ранних рассказах Горького и Ай У играет фигура мятежного человека, стремящегося к неограниченной свободе. В их понимании это идеальный человек. Действительно, независимость, вольность, свобода – все это входит в закон красоты обоих прозаиков, русского и китайского. Многие их персонажи, пребывая в голоде и холоде, не хотят менять свою бродячую жизнь на другую. При этом они презирают людей, которые ведут жизнь оседлую, довольствуются свободой в пределах своего двора. «Смешные они, те твои люди. Сбились в кучу и давят друг друга, а места на земле вон сколько... Он раб – как только родился, всю жизнь раб, и все тут!.. Так нужно жить: иди, иди – и все тут...» – говорил цыган в рассказе «Макар Чудра». Суть этих же рассуждений продолжается в рассказе «Проходи-мец»: «В бродяжьей жизни есть нечто всасывающее, поглощающее. Приятно чувствовать себя свободным от обязанностей, от разных маленьких веревочек, связывающих твое существование среди людей...». Это созвучно философствованиям китайских поборников бродяжьей жизни Ай У. В рассказе «Брат Цунь» (1947) один из них говорит: «Мы ведем непростую, но веселую жизнь. Сегодня – здесь, завтра – там. И все места для нас – родной дом...». И в «В сосновых лесах» главный персонаж восхваляет бродяжную жизнь, и, будучи стариком, не желает с ней расставаться.

Заключение

Как последователь Максима Горького Ай У написал ряд литературных произведений, посвященных бродягам. Схожие социально-исторические обстоятельства в России и в Китае того времени подтолкнули обоих прозаиков к теме босячества. Между творчеством о босяках Ай У и Горького наблюдается много общего. Преимущественно они работали в жанре малой прозы. Большинство описанных бродяг обладают прекрасными качествами. Они добрые, не жадные, храбрые, любят свободу, ненавидят богатых, презирают смиренные послушные массы и выступают против подконтрольной жизни. Оба писателя ориентированы на описание величественных природных явлений, причем они часто соответствуют психологическому состоянию героев. Кроме того, немало важную роль в их литературном творчестве играет музыка, которая не только придает романтическую окраску, но и способствует развитию сюжета.

Подводя итоги, можно утверждать, что любовь и уважение Ай У к Максиму Горькому отразились в его творчестве: тематике, проблематике, поэтике. Как писатель он шел путями, проложенными его русским предшественником. Оба они показали, каждый в свое время, предчувствие великих социальных перемен.

Список литературы

- Ай У. Произведения Ай У. [艾芜. 艾芜文集]. Чэнду : Издательство народа Сычуань, 1981. 655 с.
- Бушканец Л.Е. Максим Горький и мода на босняка в начале XX века // Российские исследования. 2021. № 3. С. 51–70.
- Горький М. О том, как я учился писать. М. : Художественная литература, 1940. 47 с.
- Лянь Чжэнсян. Странствующий литературный герой: Биография Ай Ву. [廉正祥. 流浪文豪：艾芜传]. Тайюань : Издательство литературы и искусства Бэйюэ, 1992. 352 с.
- Мао Вэнь, Хуан Лижу. Коллекция исследований Ай У. [毛文, 黄莉如. 艾芜研究专集]. Чэнду : Издательство литературы и искусства Сычуань, 1986. 698 с.
- Критические статьи о произведениях Максима Горького / Михайловский, Скабичевский, Меньшиков, Минский, Поссе, Оболенский, Боцяновский, Игнатов, Геккер, А.Б., С.М. СПб. : С. Гринберг, 1901. 254 с.
- Хоу Минь. О гуманизме в рассказах о босьяках Ай У и Горького. [侯敏. 论艾芜与高尔基流浪汉小说中的人道主义] // Серия исследований современной китайской литературы. 2014. № 9. С. 68–75.
- Цзян Миндай. Ай У: Песня о жизненном поиске странника – о литературной ценности босняцких романов Ай У. [蒋明玳. 艾芜: 漂泊者人生追求之歌 — 论艾芜 “流浪汉小说” 的文学价值] // Журнал Института образования Цзянсу. 1998. № 2. С. 62–66.
- Чжан Цзяньфэн. Сравнение по размышлению национальных характеров Ай У и Горького. [张建锋. 艾芜与高尔基反思国民性的比较] // Журнал Университета Чэнду, 2011. № 1. С. 82–87.
- Ширванова Э.Н., Мирзаева Ш.А. Проблема человека и среды в рассказах М. Горького 1890–1905 годов // МНКО. 2018. № 3(70). С. 540–541.

Сведения об авторах:

Мескин Владимир Алексеевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0003-2260-8060.

Цай Ицин, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0009-0002-3769-4766. E-mail: c1123485073@gmail.com